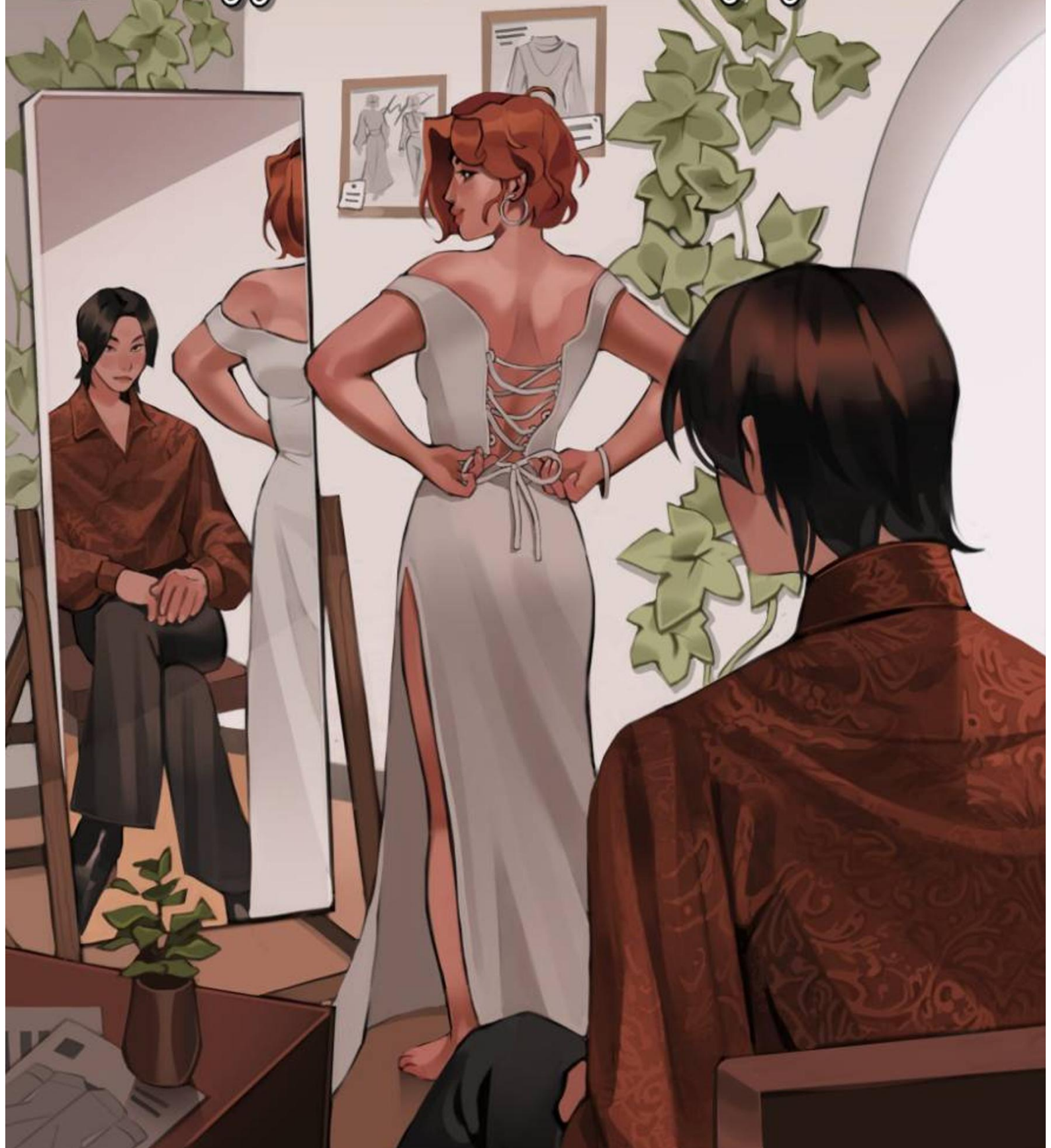

Между лекциями и подиумами

ABitStrange

Между лекциями и подиумами

«Автор»

2026

ABitStrange

Между лекциями и подиумами / ABitStrange — «Автор», 2026

"Я не создаю моду, я создаю мечты" - Ральф Лорен
Об отношениях студентки
с факультета дизайна и главы модного дома от кутюр.

© ABitStrange, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Чашка кофе в модной столице мира	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

ABitStrange

Между лекциями и подиумами

Глава 1 Чашка кофе в модной столице мира

Париж – место вдохновения, молодёжи и высоких тем, которых не понять в любом другом городе мира так, как можно сделать это в столице Франции. Соен рвалась за своей мечтой, отчаянно бросая всё позади, и при первой же возможности получить грант и стать студенткой университета Парижа тут же собрала чемодан и укатила на другой конец света.

Дождаясь трели звонка – как самого желанного звука за сегодняшний нелегкий день, – Соен вскочила с места в лекционной и запихала в сумку большой ватман с рисунками, над которыми корпела без сна и еды долгие пять дней, но на которых все равно стояло большими, совсем не элегантными для французского профессора, буквами pop geçi – «неудовлетворительно».

Выбегая во флагмане из аудитории, чтобы урвать как можно больше от своего обеденного перерыва, Соен мечтала о восхитительном французском кофе с тёплым молоком, горой воздушных сливок и большим количеством сахара. Разумеется, со сладким большим круассаном, но это только если она поспешит и успеет в свою любимую кофейню, где у нее из-под носа зачастую уводят последние приличные десерты.

С наступлением долгожданной весны девушка в нетерпении ожидала каникул, чтобы празднично валяться дома со своим котом и запихнуть всю художественную и швейную лабуду обратно в чулан. О, у нее скопилось так много рецептов, которые она выписывала на маленькие бежевые стикеры и собирала на шпильке для чеков на кухне! Учёба забирала у нее все силы, поэтому готовила она не часто, но была твёрдо настроена вернуться к своему хобби на каникулах.

Лелея подобные мысли, Соен уже собиралась улыбнуться, когда наткнулась на неприятную, пускай и не длинную, очередь в кофейню.

Заведение «Кафе де ла Гар» было выделено в путеводителе по Парижу как приятное место для перекуса, поэтому не удивительно, что его посещало множество туристов. Цены там тоже были соответствующие. Но, – Соен хочется возразить и оправдаться за свой столь фешенебельный выбор любимого заведения, – это далеко не «Кафе де Флёр» и не «Нувель Мэрэ», славящиеся своими самыми дорогими напитками и выпечкой, куда заходили в основном состоятельные парижане.

Тем более расположение Парижской школы высокой моды, где она училась, в самом центре, не предполагало, что Соен удастся найти где-то поблизости более дешёвое и менее популярное место.

Едко забурчав себе под нос, Соен с глухим стуком поставила на асфальт у своих ног тубус и большую плоскую сумку, в которую без риска быть смятыми влезли листы формата А2. С такой ношей она приковывала к себе взгляды: люди в очереди оборачивались на нее, а проходившие мимо любопытные туристы явно завидовали тому, что она была одной из тех немногих счастливиц, кому удалось осуществить мечту учиться в одном из самых живописных и романтических городов мира.

Столько внимания, несомненно, льстило, но сейчас Соен просто хотела свой кофе.

Очередь двигалась нехотя, и Соен вынуждена была всё чаще обращать внимание на часы, небольшой циферблат которых был расположен на внутренней стороне ее запястья.

Порог ей удалось переступить лишь спустя двадцать минут, когда у Соен осталось катастрофически мало времени на обеденный перерыв.

Как это вообще может быть справедливо, что студентам выделяли на обед всего сорок минут, если абсолютно все во Франции знали, какие здесь ужасные очереди и медлительный персонал в любых заведениях?

Но, к счастью, Соен уже знала наизусть всё небольшое меню кофейни: горячие и холодные напитки, выпечку и завтраки, – поэтому закажет сразу же, как только подойдет к кассе, и не будет тратить время на выбор.

Вся еда в кафе была выставлена на витрине, где, когда вошла Соен, уже было множество пропусков на местах ранее стоящих тарелок. Уже не было ни шоколадного брауни, ни одного вида эклеров, ни панна котты. Единственное, что радовало: к открытию в двенадцать часов дня в кофейне выпекали невероятное множество круассанов, зная, что на них будет большой спрос. И Соен надеялась получить хотя бы их, прежде чем витрина окажется абсолютно пустой.

– Я бы хотела кусочек яблочного пирога и латте, – заказала девушка перед ней. При упоминании любимого десерта Соен наострила уши.

Яблочный пирог на витрине она не увидела, да и не особо приглядывалась в его поисках, ведь пару месяцев назад, когда ей впервые удалось попробовать этот десерт и влюбиться в вязущий насыщенный вкус печеного яблока, его перестали печь и вроде бы даже вычеркнули из меню.

Отвлечшись от своих вещей, которые она лениво перетаскивала по мере продвижения очереди, Соен полностью развернулась к витрине, чтобы проследить, куда потянется кассир доставать десерт, и убедиться, что и для нее останется кусочек. Увлеченная, она не заметила, когда несколько посетителей кофейни, – кому удалось занять столик внутри и спастись от неприятного ветра на улице, – неожиданно подняли шум.

Какой-то парень, проходя мимо очереди со своим пустым стаканом из-под кофе, ненавязчиво присел рядом с Соен и решил присвоить себе её сумку для чертежей. Видимо, рассчитывал, что там будут какие-нибудь уникальные дизайнерские разработки.

Увидевшие это посетители кафе тут же зашумели, но смущались останавливать вора, когда некто позади Соен вдруг схватил другой конец ее сумки и заставил вора круто развернуться и померить свой летящий, быстрый шаг.

– Я не думаю, что это принадлежит тебе, парень, – Соен обернулась, услышав голос рядом с собой, и ахнула.

Несостоявшийся вор, однако, совершенно без раскаяния фыркнул и пренебрежительно отпустил сумку, затем направился к выходу и даже пихнул кого-то плечом в узком дверном проёме.

Кражи у студентов в центре Парижа были обычным делом: постоянное скопление людей мешало как следует приглядывать за своими вещами. Не секрет, что парижское образование ценилось во всем мире, поэтому некоторые особо ушлые часто хотели присвоить себе чужие разработки.

Слегка опустив взгляд вниз, мужчина в очереди протянул Соен её сумку и подбадривающе улыбнулся на ее удивленный и слегка испуганный вид.

– Твоё? Не так ли? – игриво спросил он.

Соен прижала к себе сумку и ошарашенно уставилась на мужчину, а потом на дверь, где скрылся неудачливый грабитель.

О, что бы с ней стало, если бы она потеряла все свои наработки и курсовой проект, спрятанные среди нескончаемых, тяжелых ватманов в этой папке? Месьё бы точно закопал ее под одним из своих рододендронов на грядке заднего двора университета.

– О, гранд мерси! – поблагодарила Соен, немного отойдя от случившегося, и мужчина кивнул. В этот момент очередь Соен уже подошла, и уставший бариста из-за того, что она всех задерживала, стал злобным взглядом сверлить ее спину.

Соен выглядела всё такой же сбитый с толку – явно позабыла о том, что хотела купить себе на обед. Мужчине, спасшем ее вещи, это показалось забавным, и он, потеснив ее от кассы, сам обратился к кассиру:

– Я возьму эспрессо, спасибо. И, – обратив внимание на витрину и имеющиеся десерты, он также оценил взглядом ламинированное меню рядом с кассой. – Французский кофе и яблочный штрудель для милой дамы.

Даже официант слегка покраснел от его слов, и мужчина усмехнулся, но ничего не сказал и расплатился картой за оба заказа.

Ошеломленно уставившись на крафтовый пакет со своим заказом, который ей передали, Соен взяла его и сконфуженно произнесла:

– Мерси.

Ее нежный голос с ласковым приятным урчанием французского «эр» понравился Юнхи. Он выбрал случайную кофейню по дороге к своему офису и решил купить себе первый кофе за этот день, а тут ему попала такая приятная мадемуазель. Ему нравились красивые люди, нежные и милые, одетые просто, но со вкусом, а эта девушка ко всему прочему была одета в абсолютно любимом им французском стиле.

– Всегда пожалуйста.

Чтобы не создавать затора в маленьком проходе между кассой и столиками, они вышли из кофейни. Но прежде Юнхи вовремя заметил притаившийся у стойки тубус, который без сомнений также принадлежал этой рассеянной леди, и забрал его тоже, размышляя, как студентка ещё голову не потеряла где-нибудь между лекциями. Все ее вещи с виду стоили недешево, чтобы вот так легкомысленно оставлять их где попало.

Возле кофейни находился небольшой парк с уютными скамейками. Им даже удалось найти одну свободную в самый пик туристической активности.

Юнхи поставил тубус у ног девушки, которая уже более предусмотрительно поставила папку с ватманами за своей спиной, а рюкзак – под руку. На коленях же оставила местечко для пакетика из кофейни.

– Сколько я вам должна? – Соен не заметила, что ей вернули очередную пропажу, слишком голодная и стремившаяся поест до окончания обеденного перерыва, и кивнула на пакет, попутно прихватывая через салфетку крошащийся бочок штруделя из слоёного теста. Естественно, она вся тут же заляпалась в крошках, но вкусу это не помешает.

– Забудь, – Юнхи махнул рукой и оглянулся туда, где оставил свой автомобиль. Там, где он оставил его, парковаться было запрещено, и он надеялся избежать штрафа, ведь с французской полицией договариваться было весьма неприятно и не очень действенно. – Больше не теряй свои вещи. Интеллектуальный труд стоит дорого.

– О, на самом деле у меня впервые пытались что-то украсть. Да и не думаю, что мои труды такие уж ценные, – фыркнула Соен, все еще раздраженная из-за плохой оценки, которую получила на прошлой паре, и откусила большой кусок выпечки. Чёртов месё, вот бы его усы запутались с бородой и тот больше не имел возможности так высокомерно ее отчитывать перед всей группой!

– Художница?

– Дизайнер, – поправила Соен, со всей тяжестью горестно вздохнула и отпила немного кофе. – Слушайте, я правда думаю, что мне стоит вернуть вам деньги. Я не хочу быть должной.

Она потянулась рукой в карман своего пальто, небрежно стянутого поясом в талии и открывающего льняную блузу с устаревшим, но элегантным шнурком вокруг горла, чтобы достать деньги. У нее было несколько купюр наличными, которые он протянула, но мужчина отказался их принимать.

– Скажем, подарок красивой девушке, – Юнхи подмигнул, и Соен глупо распахнула рот и усталилась на него. С ней ещё никогда не флиртовали так открыто.

Решив более не смущать ее, мужчина кивнул в знак прощания, элегантно коснувшись кончиками пальцев полей своей федоры, а затем ушел.

Соен смотрела ему вслед – на лёгкую уверенную походку, на невероятно худые длинные ноги, на которых эффектно смотрелись зауженные классические брюки, и на куртку с меховым воротником, делавшую его силуэт ещё привлекательнее.

Следом Соен задумчиво осмотрела свое пальто из секонд-хенда, широкого ей в плечах и длиной почти до пола, свои старые голубые джинсы и весьма старомодную белую блузку с красным узором, и не понимала, на что она вообще надеялась.

***

В большом и светлом офисе кавардак на столе был особенно приметным. Но Юнхи даже не подумал убрать его прежде, чем положить сверху несколько рулонов ткани.

Он скинул куртку на стул позади себя и отложил на угол стола шляпу и солнечные очки, а затем начал по отдельности разворачивать принесенные рулоны и смотреть на ткань через дневной свет, чтобы выловить любые дефекты и оценить плотность и качество материала.

Услышав шум в офисе, его помощник вышел к нему из соседней комнаты. На его лице отражались несколько часов работы, за ухом был оставлен карандаш, а на лацкане его рубашки осталась пара крошек от недавнего обеда.

– Кто рано встаёт... – начал он, желая укорить начальника и одновременно близкого друга за опоздание. Но Юнхи не повелся.

– Тот плохо спит, – ответил он, осторожно перетирая между пальцами кусочек шелка.

– Мы уже сняли платье с манекена и примерили его на Жозель.

– И как оно? – Юнхи потянулся за кусочком мела, сделал пару насечек на ткани и затем стал искать среди многочисленных ящичков под своим столом выкройку, над которыми он работал вчера и теперь не смог вспомнить, куда их положил.

– Вполне сносно. Осталось обточить края и навесить фурнитуру, но я порезался о кроильный нож, – Юнхи выглянул из-под стола, приподнимая бровь, и Пьер, его помощник, фыркнул и закатил глаза. – В любом случае, я бы всё равно ещё посоветовал добавить пару кружев и складок. Сатин совершенно не стоит и не держит форму.

– Ты всегда был неуклюжим, – полностью игнорируя остальные слова, ответил Юнхи и кинул на стол тяжеленный талмуд с картонными выкройками, отчаявшись найти нужные в темноте под столом.

После обеденного перерыва в офис начали возвращаться люди, и мужчины ненадолго прервали разговор, чтобы поздороваться с каждым сотрудником, который проходил мимо стеклянной стены офиса главного дизайнера.

– Это всё, что ты услышал? Показ уже этим летом, а у нас не готово ни одного платья.

– Одно готово, – спокойно ответил Юнхи и продолжал листать выкройку. Нужные он отметил вчера красными точками в углу, прекрасно зная о своей рассеянности поздними вечерами, что облегчало поиски. – Осталось только добавить кружево и пару складок.

– О, ты невыносим. Я отказываюсь с тобой работать! – Пьер всплеснул руками и недовольно откинулся на спинку стула под тихий смех друга.

С Юнхи всегда было непросто работать, для этого парня не существовало понятия «делать всё вовремя» или «делать по-человечески».

Он мог простаивать в офисе месяцами, а потом в последний месяц за одну ночь придумать гениальную коллекцию и гонять швей до седьмого пота, чтобы успеть все пошить до показа.

– Ты меня любишь, – наконец Юнхи нашел нужные схемы, сделанные по меркам дамы с пышной фигурой, а не обычной худой модели. В этом был стиль Юнхи – он любил шить одежду для женщин реальных пропорций, ведь он считал, что так коллекция его одежды была

живой, сделанной для того, чтобы ее носили, а не прятали в шкафу как дорогой, но бесполезный предмет роскоши.

Не было смысла отрицать очевидного в его словах, ведь иначе Пьер давно бы принял любое другое предложение о работе от не менее успешного дома моды и ушёл бы туда. Но, на взгляд Пьера, в Юнхи всегда было что-то, что привлекало и заставляло остаться. Наверное, в поэтичных кругах это зовется талант.

– В любом случае, – примирительно сцепив руки в замок, Пьер помедлил, наблюдая, как Юнхи с каким-то странным азартом в глазах стал вычерчивать будущие срезы ткани по выкройкам. Что странно, учитывая, что до этого долгие зимние месяцы он пребывал в странной апатии и не вылезал со своей виллы на Эгейском море, переживая зимнюю хандру с греческой водкой с анисом. – Мне нужно, чтобы ты посмотрел пару моих дизайнов.

Как креативный директор модного дома, Юнхи задавал общий концепт коллекции, но он также брал на себя роль главного дизайнера и не особо любил сотрудничать с кем-либо, однако Пьеру позволял вносить собственные идеи и шить одежду по собственным дизайнам. У того, к счастью, не было своего устоявшегося стиля, как у Сэн Лорана или Шанель, он был гибким, поэтому отлично смог подстроиться под стиль Юнхи и делать наряды, очень подходящие под чужой вкус.

Оторвавшись от занятия, которое обычно передавал швеям, Юнхи выплыл из задумчивости и посмотрел на Пьера. Главный дизайнер выглядел несколько потеряннным, и Пьер приподнял бровь в ожидании подробностей. Но Юнхи лишь помотал головой.

– Да, конечно, пойдем, – Юнхи накинул льняную рубашку цвета хаки и, закатав рукава, направился на выход из офиса. Как всегда воодушевленный будущей оценкой своих работ, Пьер направился за ним на этаж ниже, где находился швейный отдел.

***

У Соен была небольшая квартира – однокомнатное узкое пространство, похожее на чулан, снимаемое ей у одной мадмуазель неопределенного возраста.

Квартирка находилась недалеко от центра, и Соен была рада, что ей не приходилось таскаться с сумками в забитом транспорте, но и не в самом благополучном районе. С другой стороны, здесь никогда не было туристов.

Ее грант покрывал обучение и питание, но при отсутствии подработки Соен значительно ужимала расходы, чтобы жить хотя бы в этом месте.

Это была непримечательная сторона города-мечты, в котором сдаются комнаты иммигрантам: в соседях у нее было полно людей, которые жили на пособия и не особо стремились найти работу. Раньше государство пыталось прижать их санкциями за тунеядство, но через время все поняли, что их лучше не трогать, если не хотели протестов и беспорядков.

Поэтому Соен приходится всегда быть осторожной, когда она в потемках после поздней пары плетется домой. И она каждый раз радуется, когда, пробежав оставшийся квартал до своего дома, прижимается спиной к двери в прихожей и шумно дышит, восстанавливая дыхание.

Сегодня – не исключение. Отдышавшись и ослабив завязки на воротнике, Соен выстроила свои сумки в коридоре вдоль стенки и сняла монки. К ней навстречу тут же вышло пушистое чудо – двухцветный кот, ровная линия его окраса шла прямо по центру головы и тянулась аж до кончика хвоста.

Соен уже собралась погладить своего пушистого друга, но вовремя вспомнила, сколько раз ей приходилось потом чистить пальто от шерсти. Поэтому прежде она разделась и помыла руки в крохотной ванной, дверь которой находилась в метре от входной, и только потом с Ромео на руках она зашла в большую гостиную тире кухню тире спальню. Там стоял диван и над ним висела большая картина в ветхой рамке, которую Соен покрыла лаком и золотой краской ещё в первый год жизни здесь.

У дивана стоял низкий столик, заваленный ее домашней работой, а напротив дивана по стенке шел кухонный гарнитур с вполне приличной духовкой и раковиной, из которой Соен каждый месяц старательно убирает плесень, рядом небольшой холодильник, на котором было полно магнитов и записок, а прямо напротив входа была узенькая дверь на балкон, выходящий на более приятную улицу, чем та, что была с другой стороны здания, где была разруха, заколоченные окна и граффити на стенах.

Соен хотела максимально облагородить свою квартирку, поэтому повесила белые кружевные занавески, связала большой мягкий плед на диван и коврик из более жестких ниток. Затем купила в секонд-хенде красивое постельное с милыми принтами цветов, ягод, птиц и, конечно, котов. Горы из книг с пожелтевшими страницами, которые она время от времени скупала в библиотеке, – которая уже третий год никак не могла закрыться и всё раздаривала литературу всем желающим за гроши, – дополняли, на взгляд Соен, атмосферу творческого уюта и некоего вдохновения.

На ужин у нее сегодня был креатив из продуктов, которые остались в холодильнике. Пара яиц, замороженный горошек и банка консервированных сардин должны сгодиться для одного ужина.

Отужинав на пару с Ромео, что был абсолютно не привередлив в еде и на этой почве нарастил себе мягкий пушистый зад, Соен вернулась в коридор за своими рисунками и упала с ними на диван, уже переодетая в мягкую пижаму.

У нее был старенький ноутбук, подаренный родителями ещё в девятом классе и вполне пригодный, чтобы фоном посмотреть парочку сериалов, пока Соен будет возиться с исправлениями своей «ужасной, бездарной» работы.

Месьё, преподающий у них «Инновации в моде», ненавидел все эскизы Соен, отпихивая их один за другим. В то время как милые преподавательницы по «Основам дизайна» и «Конструированию и крою» были без ума от Соен, потому что она увлекалась тем, что сейчас называют «старой модой»: скромными, но невероятно эстетичными нарядами с вышивкой, броскими ремнями, галстуками и подтяжками, – преподаватель по новшествам считал ее устарелым пережитком прошлого, а все ее труды – скопированными со старых Vogue, и не видел в Соен ничего уникального.

О, Соен бы могла вступить с ним в обширную дискуссию о том, что современная мода, уходящая в абстракционизм и инновации, – чушь собачья, бессмыслица и не имеет ничего общего со словом «мода», и что Парижская ассоциация моды, состоящая из модельеров высшего класса, в том числе большинство кутюрье, вдохновляются именно старой модой. Но она боится, что за такое откровение ее напрочь лишат стипендии.

И именно поэтому она сейчас сидит и агрессивно думает, как исправить свой эскиз на что-то более инновационное. То, чем дышат новые модные дома, продвигая свое шитьё, как искусство, которое человек в здравом уме не отнесет ни к массмаркету, ни к прет-а-порте, ни к тем более от кутюр, а дизайнер так и вовсе всплакнет.

Ромео мяукает, явно не наевшись, и бьёт лапой по своей тарелке. Милой, с рисунком уток по краешку. Соен поднимает на него взгляд и вдруг находит в посуде нечто интересное.

Схватив карандаш, она рисует на листе размашистый круг и решает сделать из него овальное платье с соответствующими изгибами посуды. И пусть только потом этот скряга посмеет сказать, что это не новаторство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.